К 100-летию создания Федеральной резервной системы: значение для истории и современности

Третье заседание Интеллектуального клуба
«Свободная Мысль»

Федеральная резервная система (ФРС), созданная накануне Первой мировой войны (и после неудачной попытки разжечь ее в 1912 году), является уникальным объединением формально частных банков, выполняющих важнейшую государственную функцию — эмиссию денег, борьба за которую не утихала весь XIX век и составила в то время ключевую часть истории США.

ФРС была важнейшим инструментом, обеспечивавшим единство интересов американского государства и американского бизнеса (в первую очередь наиболее мощного и гибкого — финансового), что превратило ее в ключевой фактор возвышения Америки и превращения ее в мирового гегемона. В настоящее время, с развитием мирового кризиса, интересы глобального бизнеса и национальных государств расходятся все сильнее, а человеческие общества начинают переструктурироваться на кардинально новых началах. Ключевая роль ФРС в эволюции американской общественной системы и мировой экономики сохраняется, но наполняется новым смыслом и требует нового этапа внимательного рассмотрения — уже с учетом меняющихся реалий.

Участники

Михаил Делягин — директор Института проблем глобализации, главный редактор журнала «Свободная Мысль», ведущий заседания Интеллектуального клуба, доктор экономических наук;

Сергей Батчиков — директор Центра проблем управления сложными социально-экономическими системами Международного института проблем управления, кандидат экономических наук;

Владислав Жуковский — экономист, инвестиционный консультант;

Валентин Катасонов — профессор МГИМО, доктор экономических наук;

Сергей Суверов — начальник Аналитического департамента УК «Русский стандарт»;

Андрей Фурсов — директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (Инсбрук), кандидат исторических наук;

Михаил Хазин — президент компании экспертного консультирования «Неокон».

М. Делягин: Дорогие коллеги, мы начинаем третье заседание Интеллектуального клуба «Свободная Мысль», рассматривающего актуальные проблемы и перспективы России и современного мира. В связи с приближающимся 100-летием Федеральной резервной системы США мы отойдем от России и займемся более глобальной темой.

Безусловно, отмечать юбилей, который наступит 23 декабря, более чем за месяц — немного странно; но мы хотим заранее создать хороший задел журналистам. Кроме того, юбилей состоится как раз между Днем чекиста, днем рождения Сталина и католическим Рождеством — строго говоря, во время самой длинной ночи в году, которая в нашей стране начинается 20 декабря и заканчивается 15 января. Таким образом, собираться непосредственно 23 декабря не имеет смысла. В начале же или, скорее, в середине декабря могут произойти события, которые отвлекут наше внимание от юбилея ФРС, — поэтому провести наше заседание лучше сейчас, во время затишья.

Сегодня мы обсудим специфику Федеральной резервной системы, ее отличия от стандартного центрального банка; постараемся ответить на вопросы о том, зачем и кому нужна эта специфика и насколько она значима. Надеюсь, нам удастся обсудить, какую роль сыграла ФРС в развитии США и истории человечества, и самое главное — как сейчас, в условиях современного глобального кризиса меняется значение ФРС для американской экономики и для мира в целом — как меняется роль ФРС в глобальном регулировании.

С. Суверов: Возможно, я скажу банальность, но для судьбы финансовых рынков — а я работаю на финансовых рынках достаточно долго — деятельность ФРС имеет большое значение. В последнее время профессиональные медиа буквально каждый день обсуждают едва ли не каждый чих представителей ФРС, причем аналитиков волнуют не только слова председателя этой структуры, но и выступления отдельных членов руководства ФРС.

Тема, которая больше всего интересует финансистов, — это, конечно, что будет делать ФРС с печатным станком. Как вы знаете, в последнее время США проводят программу «количественного смягчения», в рамках которой с рынка выкупаются казначейские облигации на сумму 85 миллиардов долларов в месяц. Это дает определенную стабильность финансовым рынкам и, думаю, является главным фактором роста американского рынка в этом году почти на 25 процентов. Такой рост является рекордным, и рынки обязаны им не столько президентству Барака Обамы, сколько именно программе количественного смягчения, которую проводит ФРС.

Наряду с ней проводится также политика дешевых денег. Как вы знаете, процентные ставки уже достаточно давно находятся на рекордно низком уровне — сейчас это 0,25 процента. Побочный эффект этой политики — снижение курса доллара, который является сегодня слабой валютой по отношению к евро, несмотря на все проблемы Европы. Дешевый доллар помогает американскому экспорту и является частью комплексной деятельности ФРС по смягчению серьезного кризиса, который охватил американскую экономику и получил уже название «Великая рецессия». В свете изложенного деятельность ФРС под председательством Бернанке я как аналитик оценил бы, скорее, позитивно.

Переходя к отличиям ФРС от стандартного центрального банка, могу сказать, что таких отличий можно выделить достаточно много. Прежде всего это структура собственности. В Интернете много спекуляций на тему того, что ФРС является частной структурой. Да, с одной стороны, она, безусловно, является

частной, но с другой — ФРС представляет собой часть государственной машины США. Она частная потому, что ею владеет федерация объединенных банков; однако собственность этих банков обладает весьма специфической природой и структурой. Эти банки не могут полноценно распоряжаться теми акциями ФРС, которыми они формально владеют. Формально будучи собственниками ФРС, они даже все вместе не могут заставить ее делать то, что они хотят.

ФРС, хотя формально и не входит в государственные институты, фактически является частью американской политической системы — ее даже называют «четвертой властью». Главу ФРС назначает президент США по согласованию с конгрессом, и руководящие члены ФРС тоже назначаются американским истеблишментом и курируют в ФРС его интересы. Другим принципиальным отличием ФРС от обычных центральных банков является так называемый двойной мандат. ФРС отвечает не только за борьбу с инфляцией, но и за экономический рост, — в то время как Евробанк, к примеру, отвечает только за борьбу с инфляцией. Как вы помните, попытка сделать Банк России отвечающим за экономический рост не увенчалась успехом.

По закону о Банке России он обеспечивает стабильность валютного курса, хотя из заявлений госпожи Набиуллиной известно, что он считает своей главной задачей и борьбу с инфляцией.

ФРС, хотя формально и не входит в государственные институты, фактически является частью американской политической системы — ее даже называют «четвертой властью».

ФРС же лавирует между борьбой с инфляцией и решением задачи обеспечения экономического роста, поэтому его заседания, как говорил его бывший глава Алан Гринспен, проходят в атмосфере так называемой конструктивной двусмысленности. Аналитики в основном гадают, что хочет сказать ФРС, но это у них далеко не всегда получается, потому что представители ФРС, как правило, говорят эзоповым языком, серьезно затрудняя их понимание. Надо сказать, что эта черта ФРС особенно ярко проявляется в последнее время. После сентябрьского заседания ФРС этого года все рынки ждали, что начнется наконец сворачивание программ монетарного стимулирования; но, вопреки основной части прогнозов, этого так и не случилось. Это наглядно свидетельствует о том, что рынки так и не научились прогнозировать деятельность ФРС.

М. Делягин: Собственно, в этом и заключается одна из причин ее эффективности.

С. Суверов: Роль ФРС в американской истории, с моей точки зрения, безусловно позитивна, хотя были, конечно, и весьма серьезные ошибки. Самая главная из них свершилась во времена Великой депрессии, когда ФРС неожиданно увеличила нормы резервирования, как только начались первые признаки подъема, и тем самым этот подъем похоронила. Среди положительных примеров в истории ФРС следует привести 1970-е годы, когда после назначения ее руководителем Пола Волкера инфляция, которая в те годы составляла около 14 процентов, значительно снизилась за счет поднятия процентных ставок.

Оценки более недавней истории, и в первую очередь долгой эпохи правления Алана Гринспена, значительно более противоречивы. Гринспен все время поддерживал низкие процентные ставки, что привело к экономическому росту, но, с другой стороны, способствовало возникновению множества финансовых пузырей. Стратегию же ФРС последних лет аналитики называют «прагматичным безумием». С одной стороны, она достаточно эффективно смягчает последствия кризиса, с другой — печатает доллары и покупает облигации, тем самым раздувая свой баланс.

Это грозит тем, что в случае неминуемого в ближайшее время повышения процентных ставок произойдет обесценивание огромного объема облигаций, которые накупила ФРС. Это грозит ей серьезными убытками и даже параличом системы федеральных резервных банков, как минимум — отсутствием дивидендных выплат и реструктуризацией ФРС, хотя никому не понятно, как это будет делаться. Тем не менее нельзя не отметить, что политика низких процентных ставок и количественного смягчения является краеугольным камнем политики ФРС. Она действительно сыграла заметную роль в смягчении кризиса в США. Так, безработица снизилась с пиковых 10 до 7,5 процента. Растет объем кредитования в коммерческих банках, а самое главное — снизились темпы инфляции, которая держится сейчас на уровне ниже 2 процентов.

Изложенное уже позволяет вполне внятно ответить на вопрос, в чьих интересах действует ФРС. Однако, если просмотреть статьи в Интернете, можно заключить, что ФРС управляют масоны, западные банкиры, евреи, еще кто-то. Мне кажется, это не совсем так: прежде всего на ФРС влияют экономические показатели. Члены ФРС смотрят экономическую статистику по безработице и инфляции, темпам ВВП, потребительскому оптимизму и т. д. и принимают решения, исходя из динамики этих показателей.

Есть ли влияние банков с Уолл-стрит на деятельность ФРС? Наверное, есть — потому что, естественно, ФРС во многом подыгрывает финансовому рынку. Однако сказать, что она все время идет у него на поводу, будет неправильно. ФРС, к примеру, не сделала ничего для предотвращения банкротства «Lehman Brothers», и титан Уолл-стрит рухнул. Таким образом, влияние банкиров с Уолл-стрит на ФРС никак не отличается от того влияния банков, которое есть абсолютно во всех странах, включая и Россию, и Европу. Все помнят движение «Захвати Уолл-стрит!», которое устраивали в американском обществе, называя бизнесменов «жирными котами», и даже Б. Обама высказывался по этому поводу.

Повторю еще раз: все решения ФРС принимаются на основе трактовки экономической статистики и имеют целью контроль за инфляцией и обеспечение экономического роста; влияние же банков не является доминирующим. Правильнее сказать, что такое влияние исходит из академических кругов, откуда вышел и нынешний председатель ФРС. Я бы сказал, что ФРС — это профессиональный институт в структуре американской государственной власти, и обвинять его в каких-либо глобалистских целях я бы не стал. Доллар — это мировая резервная валюта; но это происходит не потому, что есть ФРС, а потому, что так сложилась мировая экономика.

М. Хазин: Механизм развития при капитализме — это углубление разделения труда. Есть углубление — есть развитие, нет углубления — начинается кризис. Но углубление разделения труда ведет к увеличению рисков производителя (грубо говоря, он должен встраиваться во все более сложную технологическую цепочку и во все более конкурентную среду). И таким образом, инс-

титационные проблемы капитализма — это создание институтов, которые уменьшают риски производителя.

Если посмотреть на историю капитализма, в ней были два основных инструмента снижения рисков: расширение рынков (рынков сбыта и/или рынков приобретения ресурсов, которые позволяли снижать себестоимость производства в рамках старой системы) и перераспределение рисков. В качестве главного инструмента последнего выступала банковская система, которая брала на себя часть рисков производителя.

Мы много слышим разговоров о паразитизме банковской системы, которая, выражаясь словами Б. Ельцина, «берет на себя слишком много, делая мало». И это правда. Но давайте смотреть правде в глаза: процентная ставка банковского кредита состоит не только из маржи банкира, она включает в себя (зачастую существенно большую) плату за риск. Собственно, идеальная банковская система могла бы быть в СССР, где (теоретически) можно было бы вычислить точные риски производителя (а они есть всегда, поскольку никто не отменял ни неверные технические решения, ни стихийные бедствия, ни техногенные катастрофы и т. д.) и точную сумму платы за риск по всей экономике. Исключив, соответственно, банковскую прибыль, которая при социализме была не нужна. И этот процент был бы не нулевым!

Так вот, возвращаясь к капитализму, можно отметить, что к концу XIX века оба существовавших на тот момент способа снижения рисков были исчерпаны. Мир был поделен между колониальными империями, а банковская система столкнулась с кризисом. Производители в условиях роста конкуренции требовали снижения ставок, а банки, с учетом растущих рисков, нуждались в ее повышении. Именно по этой причине, кстати, в означенный период стали расти монопольные отраслевые империи — как способ защиты отраслей от экономического кризиса. А это в свою очередь повлекло за собой в начале XX века развитие антимонопольного законодательства.

В случае же с банками развитие упомянутых процессов вело либо к увеличению невозвратов (если ставки были недостаточными), либо к тому, что деньги переставали работать, поскольку их никто не брал по высоким ставкам. Не следует недооценивать и конкуренцию между банками, которые на тот момент были независимыми коммерческими структурами. В результате в целом по банковской системе ликвидность падала, и банки начали ее компенсировать ростом межбанковского кредитования — то есть перераспределением рисков по всей банковской системе. В конце концов уровень рисков уже по всей банковской системе стал запредельным, и произошел классический кризис межбанковского кредитования, который нам хорошо известен, например, по 1995 году. Случилось это в 1907 году.

За этим последовал и экономический кризис (первый кризис падения эффективности капитала), для преодоления которого было необходимо восстановить ликвидность банков, чтобы они могли и дальше брать на себя риски производителей. Для этого Дж. П. Морган (старший) произвел взаимозачет внутри банковской системы и, добавив свои собственные деньги, восстановил ликвидность всей финансовой системы. А затем, на тайном совещании банкиров и политиков на острове Джекил в ноябре 1910 года, было принято решение, что такую операцию, то есть рефинансирование банковской системы, нужно сделать систематической и институционализировать. При этом все участники совещания отдавали себе отчет, что создание такого института (который материализовывал слова одного из первых Ротшильдов «Дайте мне право вы-

пускать в государстве деньги и мне будет наплевать, кто в нем правит!») должно происходить в глубокой тайне.

Если бы создание ФРС было только операцией банкиров и финансистов по реконфигурации мировой (и американской) экономики в свою пользу, может быть, у них бы ничего и не получилось: ни сохранить в тайне замысел, ни реализовать его на практике. Но, кроме этого слоя, был еще один, объективно необходимый: для того чтобы банковская система могла и дальше выполнять свои экономические функции, необходимо было ее надстроить следующим элементом — роль которого и сыграл сегодняшний юбиляр, Федеральная резервная система США.

Я не буду сегодня говорить о той общеизвестной роли, которую сыграла ФРС для усиления позиций мировой финансовой элиты. Отмечу только два обстоятельства. Ресурсов ФРС хватило на то, чтобы продержат ситуацию до начала 1930-х годов, а потом начался новый кризис падения эффективности капитала. Его «вели» по дефляционному сценарию, что позволило финансовому сектору перераспределить в свою пользу значительную часть национального богатства: когда денег в экономике не хватало ни для кого, кроме как для «особо приближенных» к ФРС, именно эти последние и могли тратить эти деньги на покупку наиболее ценных активов.

При этом проблемы инфляции не возникало — ФРС всегда могла инструментами денежной политики купировать избыточные деньги в рамках всей экономики. Именно этот, формально вполне легальный (только не всем доступный) инструмент и стал главным источником перераспределения прибыли в экономике в пользу финансового сектора, позволив ему увеличить свою долю прибыли в экономике с величины 5—8 процентов (до Второй мировой войны) до нынешних более чем 50 процентов. И понятно, что никакая экономика не может нормально существовать, когда по сути посреднический сектор начинает перераспределять в свою пользу свыше 50 процентов добавленной стоимости.

Кризис падения эффективности капитала 1930-х годов завершился расширением рынков для тех систем разделения труда (технологических зон), которые выиграли эту войну, то есть Западной (Американской) и Советской. А следующий кризис падения эффективности капитала начался в США в 1970-е годы (можно даже точно назвать день — 15 августа 1971 года, когда США объявили второй в XX веке дефолт), и из него США вышли, придумав новый механизм снижения рисков производителей, в некотором смысле фальсифицировав расширение рынков. А именно — они начали безудержное кредитование потребителей, что увеличило рынки сбыта, позволило запустить следующую технологическую волну (реализовать следующий «технологический уклад» — в терминологии Глазьева), разрушить СССР и сделать последнее в истории реальное расширение рынков («золотой век» Клинтона).

А вот что дальше? Расширение рынков более невозможно, центральные банки исчерпали свои возможности по стимулированию банковской системы (процентные ставки и резервы находятся сейчас на абсолютных минимумах), эффективность эмиссии по поддержанию реального сектора минимальна. В этот момент у мировой финансовой элиты появилась идея, что можно повторить «фокус» столетней давности и сделать еще одну надстройку, только уже не над банками, а над центральными банками. То есть сделать, причем на базе МВФ, «центробанк центробанков» как инструмент снижения рисков. Все бы ничего, но, в отличие от Дж. П. Моргана-ст., все это делалось открыто — и в результате бюрократия США закрыла эту попытку через «дело Стросс-Кана».

Таким образом, вся схема финансового снижения рисков производителя, которая была объективной экономической основой существования ФРС (в которой последняя выступала или последней инстанцией, или важным промежуточным механизмом), подошла к концу. Вопрос о том, сколько будет существовать ФРС после своего столетнего юбилея, открыт. Но можно смело говорить, что времена, когда эта организация была на верхней ступени своего могущества, уже прошли. И роль эта будет все быстрее и быстрее сокращаться — если и не в США, то уж в мире точно.

В. Катасонов: Хотя меня представили здесь как доктора экономических наук, честно говоря, вести разговор про экономическую сторону деятельности ФРС уже просто не интересно: все уже сказано и пересказано много раз.

Хотел бы прокомментировать слова Михаила Геннадьевича, мол, хватит говорить про Россию — поговорим про ФРС. Когда я просмотрел ряд мероприятий, которые сейчас проходят, и выбрал посвященное столетию ФРС, мне сказали: почему так — ты же в России живешь, у нас есть более актуальные темы для обсуждения. Например, в следующем году исполняется 100 лет с начала Первой мировой войны, которая нас зацепила напрямую; или можно обсуждать 200 лет завершения наполеоновских войн и смены политического ландшафта в Европе и т. д.

На самом деле мне хотелось бы расширить рамки нашего разговора и говорить не только про количественное смягчение, в отношении которого я абсолютно согласен с коллегой Сергеем Суверовым в том, что при его осуществлении ФРС оказалась в тупиковой ситуации. У медиков есть понятие «загрязнение организма токсинами». Сейчас ФРС покупает эти «токсичные» бумаги; но есть токсины, которые выводятся, а есть — которые не выводятся. Вот эти «токсичные» ипотечные бумаги не выводятся. Если насильственным методом попытаться «выводить» эти бумаги, то, боюсь, пациент скончается.

Любое событие в мире представляется частью некоего всемирного экономического процесса. Случайностей в истории не бывает. ФРС была создана в декабре 1913 года — всего лишь за семь месяцев до начала Первой мировой войны, и это не случайность. Думаю, людям, которые знакомы с геополитическими и геоэкономическими играми, этот алгоритм действий вполне понятен, поскольку Первая мировая война представляла собой замах на перестройку всего мирового порядка, на радикальную смену лидеров мирового развития, и ФРС была инструментом геополитической борьбы.

В Америке тоже вспоминают дату 100-летия создания ФРС, а вместе с ней и некоторые другие даты. Например: 50 лет убийства Джона Кеннеди, изучение причин и поиск организаторов которого может пролить на деятельность ФРС весьма болезненный свет; или 150 лет убийства Авраама Линкольна — это, по сути, результат полуторавековой войны за создание в США центрального банка. 400 лет дому Романовых — это событие тоже имеет определенное отношение к круглой дате со дня образования ФРС: как раз 100 лет назад праздновали 300-летие дома Романовых, а через несколько лет его не стало.

Это все не случайные совпадения, но части единого всемирно-исторического процесса. Мне хотелось бы сослаться на мою книгу «Капитализм. История и идеология денежной цивилизации», где я историю рассматриваю как процесс перманентной денежной революции, той революции, которую начали, продолжают и хотят продолжать мировые ростовщики. Создание ФРС — это важная веха в этом процессе мировой перманентной денежной революции. Я считаю

неправильным брать в исследовании какого-либо исторического процесса какую-то точку отсчета. Кто-то берет за точку отчета 1991-й, кто-то — 1913-й, более глубоко копающие берут 1789 год или создание Вестфальской системы в Европе. Но если брать в целом, то полтора столетия американской истории до создания ФРС — это непрерывная борьба за создание центрального банка в Америке. Все мы помним попытки создания такого банка еще в конце XVIII века, потом первый банк, потом второй банк, и знаменитые слова президента Эндрю Джексона, который шел на выборы со словами «Или центральный банк и никакого Эндрю Джексона, или Эндрю Джексона и никакого центрального банка».

Практически каждый из президентов Америки, как до создания ФРС, так и после, оставил свою оценку, свое видение центрального банка. Можно издать целую книгу цитат первых лиц Америки, которые явно бы указали на то, что ФРС — это не четвертая, как указал коллега Суверов, а самая что ни на есть первая власть. Некоторые аналитики ее так прямо и называют. Например, Юстас Муллинс, который написал книгу «Секреты Федеральной резервной системы». Книга выходила еще в 1940-е годы, и первые тиражи ее просто-напросто уничтожались. Далее известный исследователь Энтони Саттон, Николас Талеб... список очень длинный. Эти исследователи использовали и статистику, и высказывания президентов, и богатейший опыт того, как создавались центральные банки, как велась борьба против них и какую политику проводили в их отношении, и не только в США.

Безусловно, ФРС — уникальный институт, его нельзя сравнивать с другими центральными банками, потому что ФРС — это, если можно так выразиться, центральный банк центральных банков. Есть определенная иерархия, и на вершине этой иерархии находится именно ФРС, потому что вся мировая экономика использует в качестве резервной валюты именно американский доллар.

Коллега Суверов верно отметил, что ФРС сегодня действительно загоняет себя в угол, принимая лошадиные дозы вышеупомянутых «токсиков». Но есть и другая, более серьезная причина утверждать, что ФРС после своего юбилея, на мой взгляд, протянет недолго. В настоящее время шатаются сами основы нефтедолларовой системы, которая была заложена ровно 40 лет тому назад. Я имею в виду арабо-израильскую войну и те процессы, которые шли за кулисами этой войны 1973 года; недаром современную систему многие журналисты и эксперты называют системой Генри Киссинджера, потому что именно он вел тогда переговоры со странами Ближнего и Среднего Востока, со странами ОПЕК и добился, что нефть стала продаваться исключительно на «зеленую бумагу».

А. Фурсов: Для начала хочу сказать пару слов вдогонку тому, что сказал Валентин Юрьевич о связи Романовых, России и Первой мировой войны. Когда Ллойд Джордж, человек, тесно связанный с англо-американскими банками, узнал о падении монархии в России, он сказал: «Главная цель войны выполнена». И это сказал союзник России! А в феврале 1914 года будущий «комендант» Польши Пилсудский, тогда социалист, выступая в Париже на заседании Географического общества, сказал: «Скоро в Европе будет большая война. Сначала рухнут Австро-Венгерская и Германская империи, а потом Российская». Вышло немного наоборот, но суть он передал правильно.

Теперь о проблемах и значении ФРС. Я не экономист и потому могу позволить себе несколько вольные высказывания. На мой взгляд, экономика сама по себе всегда мало что решала: если было бы иначе, это противоречило бы принципу системности. Ведь экономика — это элемент целого, а целое всегда определяет свои элементы, а отнюдь не наоборот. И даже так называемый mid-

victorian market (рынок средне-викторианской эпохи 1850—1870-х годов) был абсолютно институционально определяемой структурой — вопрос лишь в том, кем и как определяемой.

И тогдашний рынок, и ФРС, и многие другие феномены капиталистической эпохи являются политико-экономическими феноменами, и определяются они очень просто — классовым интересом. Точнее, интересом верхушки мирового капиталистического класса как персонификатора целостных и долгосрочных интересов этого класса. И в этом контексте создание ФРС — очень важный элемент борьбы верхушки за реализацию своих интересов, как говорили в советское время, чаяний и надежд.

Следует подробнее остановиться на двух аспектах политико-экономического развития мира, которые привели к формированию ФРС. Один из аспектов формирования ФРС связан с отношениями между политическими «кузенами»: британцами и американцами. С 1830—1840-х годов британский финансовый капитал, прежде всего Ротшильды, поставил задачу, которую потом Сесиль Родс — человек, тесно связанный с Ротшильдами, — определил очень просто: «Вернуть Соединенные Штаты Америки». С тех пор, практически всю вторую половину XIX века и начало века XX, шла борьба британского капитала и связанного с ним американского капитала за восстановление финансового контроля над США как общественным организмом.

Валентин Юрьевич уже говорил про Линкольна, который противостоял банкирам и закончил плохо; но были и другие президенты, которые были убиты или умерли странной смертью. Это президенты Мак-Кинли и Гарфилд, которые тоже очень активно сопротивлялись созданию центрального банка — а тот мог быть создан только взаимными усилиями британского и американского капитала. Таким образом, одна из линий создания ФРС — это стремление британского капитала восстановить контроль над США.

Однако есть и другая линия, четко заявившая о себе с 1870—1880-х годов, когда в результате экономической депрессии 1873—1896 годов промышленная экономическая гегемония Англии стала довольно быстро и наглядно ослабевать. Тогда британские правящие круги сформулировали свою двуединую стратегическую задачу: во-первых, создание англо-американского истеблишмента; во-вторых, уничтожение Германии. Обе задачи возникли одновременно на рубеже 1870—1880-х годов. В 1870-е формируется синдикат международных банкиров, который получил право рефинансирования долга США в президентства Гранта и Хейса. В то же время в британском истеблишменте возникает идея формирования англо-американского блока, и именно эта линия ведет в конечном итоге к формированию ФРС.

В совместных британско-американских планах также была Первая мировая война, которую британцы готовили с конца 1880-х годов. Здесь не надо демонизировать ситуацию и представлять британцев злодеями — они решали свою стратегическую задачу: им любой ценой нужно было устранить Германию как государство-конкурента и как возможного претендента на роль наднациональной структуры мирового согласования и управления. При этом неизбежно подрывалась Россия, поскольку, как сказал наш знаменитый геополитик конца XIX — начала XX века Алексей Едрихин (Вандам), «решить немецкую проблему Великобритания может только в результате европейской войны, причем три четверти бремени войны должна нести будет Россия». Так и вышло в конечном счете, но для финансирования военной деятельности нужна была определенная структура, которая и была создана.

Создание ФРС являлось одним из способов установления англо-американского контроля над большей частью планеты, который Кэрролл Куигли замечательно описал в своей книге об англо-американском истеблишменте «Трагедия и надежда. История в наше время». Но я бы хотел также обратить внимание на совсем не экономический и даже не политический аспект, в котором активно участвовали британские и американские финансисты. Установление контроля за значительной частью мира развивалось отнюдь не только по финансово-экономической линии. Те же самые люди, которые создавали ФРС, финансово и организационно активно участвовали в двух других процессах.

Первый процесс пошел с 1880-х годов, когда в Америке и Англии начинают появляться общества изучения психики и евгеники, в которых участвуют самые разные политические деятели, далекие от собственно психологических и генетических вопросов. На деле речь шла об установлении контроля над поведением человека через расовое очищение и психологические манипуляции. Создаются общества по изучению психики, в которых участвуют, к примеру, самые разные люди. Этот процесс развивался параллельно с установлением финансового контроля над миром и вроде бы без связи с ним, но был исключительно важен. Ведь уже во второй половине XX века многие, и прежде всего рокфеллеровские, структуры активнейшим образом развивают все, что было наработано в конце XIX — начале XX века, но уже не под расово-евгеническими лозунгами, которые себя дискредитировали благодаря Третьему рейху, а несколько иначе.

Другой идеологический процесс, стартовавший тоже в конце XIX века и тоже с активным участием финансистов, сегодня называется «антииндустриализм». Кстати, первым президентом США, который приступил к решению экологических проблем — а именно, к лесоохранной деятельности, был Теодор Рузвельт, по сути дела, воплощавший идеалы и идеи Рескина, британского ученого конца XIX века, воспитавшего немало влиятельных людей, в том числе и Сесилия Родса. Иными словами, если брать в целом борьбу верхушки мирового капиталистического класса за переустройство планеты, мы увидим поразительные параллели между созданием финансовых институтов, институтов по изучению психики человека и «антииндустриализмом». Напомню, что в 1962 году современное экологическое движение было создано на деньги Фонда Рокфеллера.

Иными словами, ФРС представляет собой исключительно важный сам по себе, но, безусловно, всего лишь один из аспектов деятельности мирового капиталистического класса по реформатированию мира в соответствии с его стратегическими интересами.

С. Батчиков: Начну с того, чем закончил мой коллега Фурсов: налицо классовый интерес. В. И. Ленин говорил, что мы не можем сказать точно, что будет происходить, — но мы точно можем предсказать, какой класс, какие группы и какие интересы будут доминировать в будущем. Так и мы сегодня не можем предположить, как конкретно будет строиться будущее, но можем очертить его контуры с учетом классовых и групповых целей и задач. При рассмотрении ФРС с этой точки зрения не могу согласиться с указанием коллеги Суверова на то, что ФРС — это американская организация, которой переданы полномочия заниматься макроэкономическим и стратегическим планированием, борьбой с инфляцией. При рассмотрении смысла создания и формирования ФРС выявляется создание механизма эффективного доминирования интересов мировой финансовой олигархии.

ФРС обеспечивает интересы очень узкой группы олигархического капитала, и развитие почти всех человеческих цивилизаций в XX веке было подчинено интересам этой группы. ФРС согласовывала интересы различных клановых групп в разных странах мира: от Ротшильдов до Рокфеллеров, от Морганов до Ваксбургов. Американский конгрессмен Макфаден, который в 1930-е годы выступал против ФРС, говорил: «ФРС прилагает все усилия, чтобы скрыть свои возможности. Но правда такова, что ФРС захватила правительство, она управляет всем, что происходит в нашей стране. Она произвольно создает и уничтожает правительство». Макфаден позже был убит — возможно и за эти слова.

На мой взгляд, сейчас наибольший интерес представляет изучение вопроса о том, что именно представляет собой современная ФРС, и в какой роли мы увидим ее в будущем. Пока в мире господствует нефtedолларовый стандарт и вся торговля нефтью осуществляется за доллары, ФРС будет иметь огромное значение в жизни мировой экономики, все участники которой будут с жадностью ловить, как сказал коллега Суверов, каждое слово очередного Бернанке, чтобы понять политику, которую будет осуществлять ФРС в ближайшем будущем. Все финансовые рынки мира будут выстраиваться под слова руководителя ФРС, все их участники будут соотносить свою политику с политикой ФРС.

Сейчас идет перезагрузка финансовой системы, которая от иерархического переходит к сетевому принципу функционирования, и роль ФРС начинает постепенно размываться. Появляется георегулирование, развиваются хедж-фонды и секьюритизация долгов. Начинают работать совершенно другие, новые механизмы и принципы работы финансовой системы. Но, например, деривативы также в конечном счете оказываются под регулированием ФРС. Символом происходящей сейчас перезагрузки является уже компания «BlackRock», а не ФРС. ФРС сыграла уже свою роль, и хотя ее влияние и остается колоссальным, начинают появляться другие зоны резервных валют. Существует европейская валюта евро, которая увела часть мировой экономики от доллара; налицо возвышение юаня. Одной из интересных тем ближайшего будущего будет создание новых валют — к примеру, сейчас возникает такое явление, как криптовалюта. По недавним сообщениям, криптовалюта биткойн увеличила свои котировки в два раза — до 900 долларов, а за последние годы ее котировки выросли более чем в тысячу раз. С точки зрения спекуляций криптовалюта представляет собой некий аналог золотого стандарта.

Однако в целом перестройка финансовой системы будет совершаться с точки зрения удовлетворения системных интересов.

М. Делягин: Надо отметить, что биткойн — это далеко не единственная криптовалюта, и новые появляющиеся криптовалюты, в отличие от нее, уже не привязаны ни к специфической программе, ни к специфическому обороту, ни даже к доллару. Однажды может наступить момент, когда каждый человек получит возможность эмитировать собственную валюту... правда, этот момент продлится не слишком долго.

В. Жуковский: Я принадлежу к числу тех экономистов, кто крайне скептически и даже негативно относится к роли, целям, задачам и мотивации ФРС.

Прежде всего рассмотрим тезис о подконтрольности ФРС органам исполнительной и законодательной власти США. Да, действительно, формально на семь руководящих должностей ФРС люди назначаются президентом США по согла-

сованию с сенатом; но не будем забывать, что срок каждого составляет 14 лет, что более чем в три раза превышает срок полномочий президента. Назначаются главные члены ФРС не одновременно, а в разные сроки, чтобы один президент не мог назначить всех семерых представителей Совета управляющих.

Его персональный состав представляется определенным нарушением закона о Федеральном резерве, устанавливающего, что ФРС должна работать в интересах не только крупного финансового капитала, но и сельскохозяйственного комплекса, промышленного капитала, а также отражать своей политикой все разнообразие коммерческих интересов и географических условий США. Однако на деле мы видим, что все шесть человек (одна из семи должностей в настоящее время вакантна) представляют интересы именно крупного финансового капитала, и людей, не представляющих Уолл-стрит, там практически нет.

Иногда можно услышать, что якобы президент США обладает полномочиями по назначению на должность главы ФРС такого кандидата, который будет отстаивать интересы именно промышленного капитала, реального сектора и широких народных масс США. В таких случаях полезно посмотреть список банков и корпораций, которые являются крупнейшими спонсорами предвыборных кампаний американских президентов — будь то демократы или республиканцы: вы найдете в нем крупнейшие банки с Уолл-стрит, нефтегазовые и военные компании. Поэтому президенты волей-неволей, будучи проводниками интересов тех сил, которые приводят их к власти, ставят на должность главы ФРС именно тех людей, которые рекомендуются им их спонсорами.

Мы видим, что все последние главы ФРС действовали исключительно в интересах крупного финансового капитала, продвигали интересы глобализации и, по большому счету, навязывали миру так называемый долларový империализм. Об интересах, которым служит ФРС, наиболее наглядно свидетельствуют ее действия в разгар кризиса 2008—2009 годов. Все одиннадцать программ, которые были запущены ФРС в то время, ориентированы исключительно на спасение крупнейших американских банков, которые по совместительству являются акционерами ФРС.

С. Суверов: Почему не спасли тогда «Lehman Brothers»?

М. Делягин: Республиканцев надо было валить, расчистить перед выборами дорогу Б. Обаме.

В. Жуковский: История с «Lehman Brothers» достаточно темная — об этом написано много статей, в том числе и в Америке. Существует аргументированная версия, что финансовому сообществу нужен был некий козел отпущения. Березовский когда-то говорил: «России нужна сакральная жертва», — так вот в то время жертва, которая дала бы импульс растущему глобальному экономическому кризису, нужна была и США. Цена вопроса с «Lehman Brothers» была копеечной на фоне того, что произошло после его краха. Дыра в балансе составляла 500—600 миллиардов долларов, но все признают, что при желании ФРС могла выступить в качестве поручителя, гаранта и кредитора. Напомню, что за последние пять лет ФРС только официально балансовым методом эмитировано более 2,5 триллиона долларов. По данным «The Government Accountability Office» — по большому счету, Счетной палаты США, так называемая забалансовая эмиссия, осуществленная при помощи поручительств с гарантиями, превысила 15 триллионов долларов.

Так вот, «Lehman Brothers» можно было бы одной-единственной словесной интервенцией спасти, для его спасения было бы достаточно поддержки двух крупнейших банков из числа акционеров ФРС. Однако, по всей видимости, было принято решение спровоцировать назревавший глобальный кризис, осуществить мощнейший делевередж, согнать капитал со всех стран мира в Америку. Напомню, что в это же самое время по всему миру ездил министр финансов США Тимоти Гайтнер (бывший глава ключевого для США инвестиционного банка «Goldman Sachs») и расшатывал финансовые рынки, обеспечивая приток капитала из развивающихся стран в США. В том же 2009 году в США перетекло инвестиций на 700 миллиардов долларов — по сути, это было стягивание капитала с периферийных рынков обратно в США.

Что представляет ФРС сегодня? Мы часто слышим, что Китай является крупнейшим кредитором Америки, что на его балансе находится почти 1,7 триллиона долларов ее долгов, — и это святая правда. Однако есть и другая правда. Официальный баланс ФРС превышает 3,7 триллиона долларов, из них почти 3,5 триллиона вложены в ценные бумаги: 2,1 триллиона — государственные облигации США, менее 1,5 триллиона — ипотечные ценные бумаги. Иными словами, сегодня на балансе ФРС находятся гособлигации Федерального казначейства на сумму более 2 триллионов долларов. Таким образом, ФРС является крупнейшим кредитором американского государства и экономики в целом.

Именно благодаря этой политике ей удается поддерживать номинальные процентные ставки вблизи нуля — и, соответственно с учетом инфляции в 1,5—2,5 процента в год, реальные процентные ставки являются отрицательными. Это агрессивная кредитно-денежная политика, направленная на принуждение к спекулированию всех субъектов экономики. И крупные институциональные инвесторы, и международные спекулянты, и домашние хозяйства принуждаются к надуванию финансовых пузырей везде, где только можно, — на финансовом, фондовом, валютном и на товарных рынках.

Политика ФРС по занижению процентных ставок позволяет Федеральному казначейству удерживать от обрушения и даже наращивать пирамиду американских долгов. Напомню, что за последние шесть лет размер государственного долга США вырос с 62 до 74 процентов ВВП (причем доходил в этот период до 94 процентов ВВП), но при этом удельный вес расходов правительства по обслуживанию займов чудесным образом упал — с 3 до 1,5 процента ВВП, что примерно соответствует уровню 1970-х годов, когда госдолг составлял 35—37 процентов ВВП. То есть долг увеличился на одну пятую, а платежи по обслуживанию упали вдвое. Как такое может быть? Благодаря обмену краткосрочных ценных бумаг на более дешевые для государства долгосрочные. Основная проблема ФРС сегодня — это «ловушка ликвидности» и низкие процентные ставки. Им нельзя допустить роста процентных ставок в целом по экономике. Хотя все понимают, что политика сверхдешевых денег не может длиться вечно, в какой-то момент произойдет разрыв на финансовом рынке, и эта ликвидность может подействовать на потребительский рынок.

Позволю себе привести несколько интересных данных. Дефицит торгового баланса США, половина которого приходится на торговлю с Китаем, означает, что весь мир ежегодно предоставляет Америке чистый беспроцентный товарный кредит в размере 700—900 миллиардов долларов. Только за 2000—2012 годы таким образом накоплен совокупный дефицит торгового баланса США в 8,5 триллиона долларов — это половина их нынешнего годового ВВП. В то же время идет колоссальный приток капитала в США: это долговые обязательства,

акционерный капитал, а также «теневые» финансовые операции. Именно благодаря действиям ФРС и финансовой олигархии Уолл-стрит США сегодня потребляют приблизительно на 8—10 процентов ВВП больше, чем реально могут произвести, а возможно — уже больше 25 процентов. С этой точки зрения ФРС является не только основным кредитором, но и в целом основной несущей конструкцией всей американской бюджетной системы и экономики в целом.

Огромную угрозу для США представляет возможное повышение процентных ставок, и как эту проблему будут решать в дальнейшем — сказать сложно. Скорее всего мы вскоре увидим повторение 2008—2009 годов, когда повышение процентных ставок США приведет к обвалу всех финансовых, фондовых и валютных рынков, а весь капитал будет стягиваться в тот эмиссионный центр, где он был произведен, — в США. Не случайно, что американский фондовый рынок растет последние полтора года без перерыва, тогда как остальные рынки постоянно лихорадит, а, например, российский фондовый рынок уже не реагирует даже на высокие цены на энергоносители. Так что ухудшенный вариант 2009 года в перспективе ближайших трех лет мы вполне рискуем увидеть.

М. Делягин: Я позволю себе внести несколько дополнений к различным фрагментам нашей замечательной дискуссии.

Прежде всего, Банк России по современному законодательству действительно юридически отвечает за валютную стабильность. Однако не вызывает сомнений, что «юридически» совсем не обязательно означает «фактически». Банк России в этом отношении принципиально не отличается от других органов государственного управления — и, насколько можно судить, не отвечает ни перед кем. Непосредственным проявлением этого служит почти трехкратное расширение незадолго до назначения Набиуллиной его председателем коридора дневных колебаний курса рубля, на которые Банк России обязан реагировать.

Среди иностранных держателей американских государственных ценных бумаг Китай действительно является первым, но его почти догнала Япония. Китай сейчас медленно снижает свои вложения, а японцы, более-менее оправившись от Фукусимы, немедленно стали резко наращивать свои вложения.

ФРС представляет собой замечательную систему взаимопомощи банков. Любой банк США, соответствующий формальным критериям, может войти в нее и за 3 процента своего капитала получить право на рефинансирование в сложных условиях. И на эти 3 процента еще и выплачивается фиксированный доход в 6 процентов годовых! Понятно, что, когда создавали эту систему, никто не мог себе представить, что 6 процентов годовых будет безумно много, — но сейчас это оказалось дополнительным инструментом, который удерживает американскую банковскую и в целом финансовую систему на плаву.

Говоря о ФРС, важно понимать, что по своей природе она является симбиотическим органом. Американское общество устроено очень интересно и необычно для нас: в отличие от европейского и нашего, оно выросло «снизу», в очень большой степени складывалось из совокупности общин, и потому в нем очень много симбиотических структур. Скажем, американская аналитика, макроэкономическая и политическая, «склеивает» государство и бизнес, являясь очень надежным инструментом обеспечения единства национальных интересов. Не сначала государство и бизнес порознь вырабатывают свои представления о прекрасном и потом мучительно согласуют их в каком-нибудь парламенте или в какой-нибудь революции. В США процесс устроен принципиально иначе: поскольку у их бизнеса и государства общий мыслительный

орган — общая аналитика, которая складывалась как общая в 1930-е годы, прорастая на государственный уровень с корпоративного, она исходно формирует единые представления о прекрасном и затем транслирует их и основной части государства, и основной части бизнеса.

ФРС тоже обеспечивает единство бизнеса и государства — но не всякого бизнеса, а крупного финансового, давно уже ставшего глобальным. Разумеется, как и всякая серьезная структура, ФРС выражает определенный классовый интерес. ФРС была ключевым инструментом, которым зародыш глобального управляющего класса себя формировал. Этот класс сам создавал себя, в том числе и с помощью Федеральной резервной системы. Ее симбиотичность выражается прежде всего в ее уникальном устройстве. ФРС — формально частная система банков. Подчеркиваю — лишь формально, потому что на самом деле она управляется государством через прямые назначения. Хотя президент и не может позвонить руководителю ФРС и сказать ему: «Я тебя увольняю», — сам факт назначения, пусть даже и без возможности потом исправить свою ошибку, значит достаточно много.

Кроме того, несмотря на частный характер ФРС, ее официальный юридический статус — независимое федеральное агентство. Мы об этом как-то все время забываем, а в странах юридических, где существуют и даже работают формальные законы, это довольно значимо. На протяжении всей американской истории, пока США вырастали «снизу», бизнес боролся с народом за контроль над государством. Формирование ФРС — это знаковый момент окончательной победы бизнеса. Есть замечательная книжка «Народная история Америки» про то, как американский народ протестовал против различных несправедливостей и все время проигрывал, — но эта борьба за контроль над государством длилась очень долгое время.

И нельзя не констатировать очевидный факт: именно победа бизнеса над обществом, в том числе и отлитая в чеканной форме ФРС, сделала США великим государством и глобальным лидером. Вся американская политика с этого момента — борьба глобального и национального подходов. Противоречием между ними раздирается все американское государство и в первую очередь — госдепартамент, Казначейство и ФРС как ключевой орган, с одной стороны, глобального управления через мировую резервную валюту, а с другой стороны, собственно внутриамериканского управления. Хотя в целом глобальный подход победил еще свержением Никсона, это внутреннее противоречие американского государства, являющегося одновременно глобальным и национальным, не снято — оно сохраняется в полной мере, и попытки снять его формированием некоего мирового правительства пока остаются пустым шаманством, бесплодным из-за отсутствия сущностей камланием.

В настоящее время развитие глобального кризиса создаст качественно новую реальность, приспособление к которой изменит весь характер управления — и глобального, и национального. ФРС отражает это предстоящее изменение назначением в ближайшее время четырех новых руководителей из семи. Одно место вакантно, а из действующих сменятся трое — ровно половина.

Кстати, здесь справедливо говорилось о значительном академическом влиянии на ФРС, и Джанет Йеллен является классическим примером именно этого влияния. Она всю свою жизнь работала на научных и консультативных должностях и помимо прочего замужем за Нобелевским лауреатом Акерлофом, что значит достаточно много.

Сейчас у американской экономики вроде бы передышка. Дефицит бюджета в прошлом финансовом году, который закончился 1 октября, минимален

с 2008 года и впервые составляет менее 1 триллиона долларов (если точно — 680 миллиардов). Если в 2009 году он превысил 10 процентов ВВП, то в 2012-м снизился до 6,8, а в 2013-м — до 4,1 процента ВВП. Это бесспорный успех. Вместе с тем экономический рост замедлится в этом году с 2,8 до 1,6 процента. Поэтому, чтобы подстегнуть его и довести до планируемых в следующем году 2,6 процента, политика количественного смягчения будет продолжаться — никуда она не денется. Однако неплохая ситуация связана с удешевлением энергии в ходе «сланцевой революции», эффект от которой хоть и велик, но конечен.

Год назад не только Кругман, но и многие другие серьезные американские специалисты зафиксировали, что Америке нужна отрицательная процентная ставка, для того чтобы люди тратили деньги, тем самым оживляя экономику. Другого способа удержаться от срыва в глобальную депрессию нет! Когда внимание специалистов обращали на то, что такой совет требует диктатуры, так как отрицательный процент по вкладам неминуемо вызовет абсолютное неприятие людей, которые начнут терять свои сбережения, те отвечали, что они — экономисты, а не политологи. И, соответственно, не готовы обсуждать политическую цену, которую придется платить за спасение от срыва в глобальную депрессию, — но иного пути спастись не существует.

Разумеется, это говорилось другими словами, академически корректно... но это внятный показатель того, на каком серьезном и даже страшном рубеже сейчас стоит мир. А мир может простоять на этом рубеже еще много лет, потому что с точки зрения смены исторических эпох даже десять лет — это совершенно немного. С другой стороны, срыв в неприятное, как показывает опыт, можно достаточно долго оттягивать. В конце концов человеческий гений велик — и, кстати, усилиями и интеллектом в первую очередь ФРС мы уже двенадцать лет балансируем на грани срыва в глобальную депрессию, при этом довольно неплохо себя чувствуя.

Но, оттягивая неизбежное на годы и даже десятилетия, его нельзя оттянуть навсегда. А срыв в глобальную депрессию — это неизбежное. Среди прочего он означает распад единого глобального рынка на разноуровневые макрорегионы. Сегодня едва ли не главным содержанием мировой политики выступает конфликт между двумя идеологиями: прошлого и будущего. Идеология прошлого — это либеральная идеология глобального развития, по которой глобальный рынок должен быть един, и ради обеспечения этого можно делать и говорить все что угодно. Носителям идеологии будущего очень хочется, чтобы это так и было, чтобы глобальный рынок сохранился, — но они сознают, что это невозможно. Они понимают, что мир все равно разделится на макрорегионы, и значит, к этому будущему уже сейчас надо как-то начинать приспосабливаться и как-то его корректировать в соответствии со своими предпочтениями и возможностями.

Две эти идеологии сталкиваются очень жестко, и понятно, что ФРС, «при всей своей академичности», ни в коей мере не может согласиться со второй идеологией. Идеология будущего ей абсолютно враждебна, поскольку означает сокращение ее влияния и доминирования; а потому ФРС вынужденно, исходя из своих корпоративных интересов, занимает исторически проигранный позицию.

Вопросы журналистов

— Правда ли, что ФРС и американское государство заключили некий договор об эмиссии денег на сто лет?

М. Делягин: Нет, поскольку ФРС — часть американского государства, а часть не может заключать договоры с целым.

Деятельность ФРС регулируется законом. Первоначально он предусматривал эмиссию денег в течение 20 лет с правом продления, однако уже через 14 лет, в 1927 году, это право было передано ФРС без временных ограничений. Конгресс сохраняет право в любой момент отозвать это право, но, по-моему, все об этом забыли.

В. Катасонов: Ровно год назад в СМИ начался, я бы сказал, психоз. Стали обсуждать тему конца света в связи с «остановкой печатного станка ФРС». Появились некие апокрифы, что был заключен какой-то договор аренды этого станка на 99 лет, — но на самом деле это просто некие фантазии. Как сказал Михаил Геннадьевич, договор был заключен на 20 лет, потом были внесены поправки, и действительно, никакого ограничения по времени сегодня нет. А формально сейчас есть юридические причины, чтобы лавочку закрывать.

— *Валентин Катасонов писал, что ФРС ненадолго переживет свой юбилей. Скажите, как долго еще осталось жить ФРС?*

М. Делягин: ФРС будет существовать, пока будет существовать американское государство.

С. Суверов: Просто не может существовать страна без Центрального банка.

В. Жуковский: Качество баланса ФРС стремительно снижается. Еще до кризиса 85 процентов всей эмиссии шло на покупку госбумаг. Сегодня ситуация несколько изменилась, и уже как минимум на треть эмиссия американского доллара обеспечена ипотечными ценными бумагами, которые сегодня являются «мусорными». Соответственно, степень обеспеченности доллара резко упала. Хотя американский доллар, разумеется, обеспечен отнюдь не только научно-техническим потенциалом и экономической мощью США, но и их внешней экспансией, то есть военно-политическим лобби, милитаристской агрессивной политикой, информационно-пропагандистской машиной и умением США при помощи формирования необходимой повестки дня создавать спрос на продукцию печатного станка.

Здесь вопрос в том, как долго смогут ФРС и американские финансисты создавать спрос на свою продукцию. И он будет решаться не столько экономически, сколько военно-политически.

В. Катасонов: В подобного рода вопросах иногда полезен метод исторических аналогий. Я вижу нынешнюю систему «Рах Americana» крайне похожей на Римскую империю 2000-летней давности. Детали совпадают. Рах Americana сейчас находится где-то в первом столетии по Рождеству Христову...

М. Делягин: И что тогда в этой системе координат является современным аналогом христианства?

В. Катасонов: Это очень серьезный вопрос.

А. Фурсов: Сатанизм.

В. Катасонов: Ну это Вы уж совсем мрачно.

М. Делягин: Доллар обеспечен уже не авианосцами, а CNN и Институтом сложности — он обеспечен уже не лидерством США в области обычных технологий, а их лидерством в сфере социальных технологий, формирующих сознание и позволяющих управлять как массами, так и индивидами. Это уже не частичное и неустойчивое манипулирование, а целостное, комплексное, длительное управление.

В. Катасонов: Вы затронули важный вопрос, потому что и ФРС, и вся эта система — они требуют другого человека. Иррационального, безвольного, человека, который не задает вопросов, человека-биоробота.

М. Делягин: Не знаю, как в Америке, а в России эта задача решается. Пообщайтесь со студентами московских вузов...

— Как отличается степень информированности населения в Америке и России о деятельности ФРС? Есть ли люди, которые не подозревают о ее существовании?

В. Катасонов: В 1990 году, когда я был на стажировке в США, мне представили возможность прочитать лекцию на английском языке перед студентами экономического университета Беркли, который, между прочим, входит в десятку лучших университетов. Когда я стал сравнивать денежно-кредитные системы СССР и США, говоря, что у нас она государственная, а у них — частная, зал напрягся, загудел, и студенты сказали, что профессор из СССР ничего не понимает в американской экономике. Пришлось прибегнуть к испытанному методу: взять телефонный справочник и показать, в какой части находится ФРС, — она находилась, естественно, в разделе частных организаций, а отнюдь не органов государственного управления. Это к вопросу о том, что собой представляла Америка образца 1990 года. Какова там ситуация сейчас — не знаю: давно не был в Америке и вообще уже не хочу туда ездить.

С моей точки зрения, наша молодежь еще пока более различает добро и зло, свет и тень; но боюсь, в этой сфере наблюдается негативная конвергенция.

А. Фурсов: У меня небольшое дополнение об Америке образца уже 2007 года. Я был тоже в серьезном вузе, и подавляющая часть студентов не имела даже представления о том, что такое ФРС. Но самое печальное, что значительная часть профессуры тоже об этой организации ничего не слышала. Есть такой термин — «неосознанность происходящего»; люди из Римского клуба считают это третьей по важности глобальной проблемой современного мира.

— Российский Центральный банк — это все еще государственная структура или уже тоже частная? И как вы относитесь к превращению его в мегарегулятор?

М. Делягин: Надзор за фондовым рынком должен осуществляться правительственным органом, в США это Комиссия по ценным бумагам и биржам. Создание мегарегулятора, то есть объединение регулирования рынка ценных бумаг и страхования под контролем Банка России — это, с моей точки зрения, ошибка, вызванная простой лоббистской борьбой.

В большинстве стран мира центральный банк формально не зависит от правительства, но реально им контролируется. В нашей стране Банк России — Центральный банк юридически не является государственным учреждением и долго даже не считался органом государственного управления. Это было сделано специально для того, чтобы социальные гарантии его сотрудникам могли быть на порядок больше, чем социальные гарантии всем остальным.

Но содержательной нагрузки прокламирование независимости Банка России не несет. В реальности он всегда работал в теснейшей связи с правительством и под контролем президента. Были периоды, когда глава Банка России даже по должности был вице-премьером — как при Примакове; были периоды, когда он кричал на всех углах, что он независим; но реальной независимости не существовало никогда. Помимо прочего, в царской системе, которая у нас, реальной независимости быть просто не может.

В. Катасонов: У меня совсем иное представление о месте и роли Центрального банка. Если внимательно читать Федеральный закон о Центральном банке, он не является органом государственного управления, это очевидно. Прочитую одну из статей: «Государство не отвечает по обязательствам Центрального банка, а Центральный банк не отвечает по обязательствам государства».

Если говорить коротко, то да, конечно, не бывает независимых центральных банков. Но в данном случае речь идет не о подчинении Центрального банка правительству, речь идет о подчинении Центрального банка Федеральной резервной системе. Это неформальный контроль через механизм *currency board*. Помимо моментов, связанных с личными взаимоотношениями, в любом учебнике написано, что *currency board* — это система, зависимая от того института, который выпускает соответствующую валюту.

М. Делягин: В законе о Банке России говорится, что свои функции он осуществляет независимо от «других федеральных органов государственной власти». Слово «других» означает, что юридически он считается частью государственной власти. И еще поправка: в России проводится даже более жесткая финансовая политика, чем предусмотрена *currency board*, так как этот механизм предусматривает эмиссию национальной валюты по мере прихода в страну конвертируемой валюты, а у нас эмиссия рубля осуществляется в значительно меньших масштабах.

В. Жуковский: Согласен, что Центральный банк действительно управляется не изнутри, а скорее извне. Но на оперативно-тактическом уровне, если посмотреть на ситуацию, обнаженную дефолтом 1998 года, он управляется скорее в интересах российского крупного олигархического капитала, в интересах отдельно взятых коррумпированных чиновников (мы помним список чиновников, которые тогда обогатились). На системном уровне Центральный банк управляем в интересах международных финансовых капиталов, в том числе ФРС, Уолл-стрит и других ростовщиков.

Вся макроэкономическая политика сдерживает развитие финансового, инвестиционно-банковского дела и подсаживает страну на иглу внешних займов, вымывая из России валюту.

М. Делягин: Структура глобального бизнеса сложна, меняется как раз сейчас и дает даже нашему руководству новые степени свободы, хотя коррумпированная его часть, насколько могу судить, этого и не осознает.

С. Суверов: Я не совсем согласен, что олигархи довольны Центральным банком. К примеру, Дерипаска очень часто говорит о том, что процентные ставки в России слишком высоки, и нужно их радикально снизить. Я думаю, влияние макроэкономических процессов на принятие Центральным банком решений достаточно велико, особенно если присмотреться к либерально настроенному Улюкаеву. Я думаю, они как раз больше озабочены инфляцией и высокими процентными ставками, чем хотят угодить олигархам.

М. Делягин: Олигархи тоже разные. Есть свои олигархи, есть чужие.

— Есть ли какая-то реальная и юридическая связь между ФРС и золотым фондом Америки?

В. Катасонов: Одним из первых мероприятий президента Ф. Д. Рузвельта стало подписание указа о том, что американские физические и юридические лица должны сдать золото, и для коммерческих банков никаких исключений не делалось. Для этого был даже построен Форт-Нокс, и все это золото перекочевало в его подвалы. Банки, входящие в систему ФРС, получили золотые сертификаты, из-за чего по документам золота в Америке стало в два раза больше. По золотому сертификату можно было проводить многие операции, но действовал закон, который не позволял ФРС иметь золото на своем балансе.

Недавно в конгрессе было расследование проблематики государственного золота, и главный инспектор ФРС напоминал, что по закону все золото было еще при Рузвельте передано ФРС в Казначейство, а у ФРС «нет ни одной унции золота»

Металл нужно искать в Форт-Ноксе, а частично — и на Манхеттене, в подвалах Федерального резервного банка Нью-Йорка. Но помните, что с 1959 года аудита золотого запаса не проходило.

— Недавно появилась информация, что Китай вернул Форт-Ноксу золотые слитки, в которых на самом деле был вольфрам, то есть в Форт-Ноксе хранится фальшивое золото. Как вы это прокомментируете?

В. Катасонов: Не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, потому как на самом деле здесь очень сложная информационная политика. О первом подобном случае сообщалось еще в 2004 году. В прошлом году на Манхеттене был разыгран спектакль под названием «частичный аудит золотого запаса Федерального резервного банка Нью-Йорка», и там случайно оказалась небольшая часть казначейского золота. Там хранится золото 30 или 50 стран мира, включая Россию. Но при этом аудите не проводили никакого исследования слитков: аудиторы приняли на веру справку, которую им предоставили, подписали ее, и на этом все закончилось. В Интернет выложен отчет об аудите этого золотого запаса — смешной одностраничный документ.

Не исключаю, что были такие мошеннические операции. Хотя, возможно, периодически такие вбросы делаются просто для того, чтобы взбудоражить рынок золота. ◆